

Научная статья

УДК 811.111

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2023-3/23-32>

КИНООБРАЗ НАЦИОНАЛЬНОГО ГЕРОЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ КИТАЯ

Ольга Васильевна Николаева

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия,

Доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романо-германской филологии,
nikolaeva.ov@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2918-2202>

Аннотация. В статье изучена роль кинообраза героя-патриота в реализации патриотической риторики Китая. В англоязычном политическом дискурсе Китая и о Китае выявлены многочисленные языковые единицы, основанные на актуализации кинообраза воина-волка (wolf warrior diplomacy; wolf warrior style; wolf warrior ambassador; wolf warrior diplomats; wolf warrior strategy; wolf warrior practices; wolf warrior phenomenon и другие). Определены языковые, социокультурные и политические факторы сложения данных единиц. Показаны аксиологические различия в семантике выражений, содержащих компонент wolf warrior в западных и китайских источниках. Постулируется расхождение оценочных смыслов, зафиксированных в данных сочетаниях. Методика исследования основана на сочетании дискурс-анализа и контекстуального анализа. Материал включает 167 дискурсивных фрагментов, отобранных из англоязычных источников Китая и Запада.

Ключевые слова: кинообраз, риторика патриотизма, развлекательная политика, аксиологический потенциал, политический дискурс, англоязычные китайские СМИ

Для цитирования: Николаева О.В. Кинообраз национального героя как инструмент патриотической риторики Китая // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1, № 3. С. 23–32.

Original article

THE MOVIE CHARACTER OF A NATIONAL HERO AS AN INSTRUMENT OF CHINA'S PATRIOTIC RHETORIC

Olga V. Nikolaeva

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia,

Doctor of Philology, Department of Germanic and Romance Philology, Chair,
nikolaeva.ov@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2918-2202>

Abstract. The article examined the implementation of the movie character of the hero-patriot in the patriotic rhetoric of China. In the English-language political discourse of China and about

China, numerous collocations and phrases based on the metaphorical transfer of the Wolf Warrior's movie character were identified (wolf warrior diplomacy; wolf warrior style; wolf warrior ambassador; wolf warrior diplomats; wolf warrior strategy; wolf warrior practices; wolf warrior phenomenon and others). The linguistic, socio-cultural, and political factors of the creation of these verbal units were determined. Axiological differences in the semantics of expressions containing the *wolf-warrior* component in the Western and Chinese sources were shown. The discrepancy of the evaluative meanings fixed in those combinations was revealed. The research methodology was based on discourse analysis and contextual analysis. The material included 167 discursive fragments selected from English-language sources in China and the West.

Keywords: movie character, patriotic rhetoric, politainment, axiological potential, political discourse, English-language Chinese media

For citation: Nikolaeva O.V. The Movie Character of a National Hero as an Instrument of China's Patriotic Rhetoric // Far Eastern Philological Journal. 2023. Vol. 1, № 3. P. 23–32. (In Russ.)

Актуальность работы связана с исследованием лингвистических аспектов политической коммуникации современного Китая в англоязычном информационном пространстве. Следует подчеркнуть, что в международной и внутривластной риторике Китая наблюдаются существенные содержательные изменения, которые отражаются и в поиске соответствующих им эффективных языковых и дискурсивных инструментов. Современный Китай вследствие расширения международного коммуникативного взаимодействия со многими странами-партнерами демонстрирует заметную трансформацию принципов и механизмов традиционной китайской коммуникативной модели.

Постоянный поиск новых инструментов политической коммуникации происходит во всем мире [1; 17]. Так, в политологии возникло новое понятие *politainment* – «развлекательная политика» [18; 17]: *Politainment refers to the blending of politics and entertainment into a new type of political communication. The portmanteau word is composed of “politics” and “entertainment,” <...> denotes, in a broader sense, the entangling of political actors, topics, and processes with the entertainment culture* [18] («*Politainment* как новый тип политической коммуникации является объединением политики и развлечений. Англоязычное слово *poli-tainment* состоит из двух англоязычных слов *politics* (политика) и *entertainment* (развлечение) и обозначает в широком смысле переплетение политических тем, процессов и фигур с культурой развлечений»).

Использование кинообразов в сфере политической коммуникации, вероятно, является примером развлекательной политики. Образ национального культового героя сериалов – сверхмужественного героя-патриота, справедливого, смелого и честного героя-одиночки, *спасателя мира* – можно считать дискурсивным инструментом национальной риторики США, Британии и других стран.

Целью настоящей работы является определение роли образа героя-патриота китайского кинематографа в трансформации англоязычной риторики современного Китая.

Задачи исследования:

- установление способов англоязычной вербальной актуализации кинообраза национального героя воина-патриота в современной патриотической риторике Китая;
- определение языковых и политических факторов сложения языковых единиц с системообразующим компонентом *wolf warrior* в западных и китайских источниках;

- выявление аксиологических различий в семантике выражений, содержащих компонент *wolf warrior* в западных и китайских цифровых источниках.

Источниками материала послужили англоязычные электронные СМИ Запада и КНР за период 2017–2023 годов. **Материалом** для исследования являются 167 дискурсивных фрагментов, содержащих 27 выражений с атрибутивным компонентом *wolf warrior* («воин-волк»).

Методология исследования основана на сочетании подходов дискурсологии и лингвориторики. В работе о коммуникативных практиках реализации риторики патриотизма в китайских СМИ на английском языке [9] мы уже говорили о том, что особенностью англоязычных материалов Китая в цифровом публичном пространстве является фоновая или рельефная патриотическая риторика. Были поставлены вопросы о прагматической эффективности риторики патриотизма в современном Китае и проблемы дискурсивных инструментов ее реализации в англоязычных китайских СМИ [9; 10].

С развитием общества патриотическая риторика в Китае эволюционирует, а вместе с ней меняются модели и инструменты ее реализации. Китайская модель речевого поведения исторически построена на принципах «отсутствия всякого принуждения» и окружного, непрямого, стороннего пути коммуникации [8, с. 43; 5, с. 7]. Однако, несмотря на приверженность собственной многовековой речевой традиции, «в случаях конфликта, угрозы или вызова со стороны внешних сил» современный Китай в политической коммуникации замещает ее моделью отзеркаливания приёма оппонента [10, с. 40–42].

Закономерностью современной политической коммуникации является транскодовое проникновение кинообразов и перенесение их преувеличенных характеристик на политические объекты.

А.А. Ворожбитова вводит постулаты о причинах и механизмах «риторического выдвижения концептуально значимой художественной информации» [2]. Автор обосновывает важное для данной работы понятие «художественно-идеологический дискурс» [2; 3]. Среди принципов лингвориторического метода А.А. Ворожбитова указывает на необходимость анализа трех категориальных рядов и их пересечений как идеологии любого речевого поступка: «Этоса, Логоса и Пафоса (нравственно-философского, словесно-мыслительного и эмоционального начал речи)» [3].

Представляется, что кинодискурс, выделяемый в рамках дискурсологии в отдельный тип с присущими ему структурными и содержательными особенностями [4; 6; 7], в определенных случаях, как и дискурс литературных произведений, может отвечать критериям «художественно-идеологического дискурса». Таковым, например, является кинодискурс о герое-патриоте, спасающем честь своей страны и жизни своих сограждан.

Кинодискурс патриотического китайского боевика «Воин-волк 2» породил новые инструменты патриотической риторики Китая. С другой стороны, сам этот кинодискурс можно также считать продуктом современной китайской модели политической коммуникации.

Методика включает дискурс-анализ и контекстуальный анализ.

Основные результаты исследования

Кинодискурс часто является источником новых образов и новых языковых выражений, которые при достижении «глубины» и «широты» использования [11, с. 13], превосходя всемирные границы, могут быть свидетельством эволюции языка и общества.

Кинодискурс китайского блокбастера актуализировал образ *воина-волка* и, преодолев языковые, социокультурные и иные границы, породил обилие выражений с компонентом *wolf warrior*.

Так, в англоязычных СМИ Запада, разных стран Азии и самого Китая появилось множество сочетаний с системообразующим атрибутивным компонентом *wolf warrior*. Всего найдено 27 уникальных единиц, рекуррентно воспроизводимых в мировом информационном пространстве для характеристики новых особенностей китайской внешнеполитической коммуникации.

Среди них сочетания с лексемами *дипломатия, стиль, политика, геополитика, тенденция, стратегия, феномен* и др.: *wolf warrior diplomacy; wolf warrior style; wolf warrior strategy; wolf warrior practices; wolf warrior phenomenon; wolf warrior policy; wolf-warrior geopolitics; wolf warriors' influence; wolf-warrior tendency*.

Другая группа выражений (сочетания с лексемами *дипломат, политик, стая, посол* и др.) используется для характеристики китайских политических деятелей: *wolf warriors; wolf warrior ambassador; wolf warrior diplomats; wolf warrior sources; wolf warrior pack* («стая воинов-волков») и другие.

Во время пандемии дискурсивные стратегии Китая, которому пришлось защищаться от нападков в цифровом публичном пространстве, за жесткость, агрессивность и напористость были охарактеризованы в западных СМИ как агрессивная *дипломатия воина-волка* (*wolf warrior diplomacy*): *Coined from the Chinese action film Wolf Warrior 2 – which depicts a hyper-masculine Chinese soldier taking on the entire world – wolf warrior diplomacy has made China a global bully* [19] («Дипломатия воина-волка превратила Китай в глобального хулигана (выражение возникло под влиянием китайского боевика «Воин-волк 2», изображающего сверхмужественного китайского солдата, захватывающего весь мир»).

Образ героического воина-волка (*wolf warrior*) из китайского блокбастера, созданного режиссером Ву Цзином в честь годовщины основания Народно-освободительной Армии Китая, не остался незамеченным на Западе. Успех фильма о герое-патриоте, бывшем сотруднике китайского спецназа, в западных СМИ был расценен как свидетельство возросших националистических настроений в Китае, а образ стал характеристикой новой дипломатической линии Китая: *Wolf-warrior diplomacy, named after these movies, describes offensives by Chinese diplomat to defend China's national interests, often in confrontational ways... Why is China resorting to "wolf-warrior diplomacy?" Has this aggressive style become the new norm?* [22] («Дипломатия волка-воина, названная в честь фильма, описывает наступательные действия китайских дипломатов по защите национальных интересов Китая, часто конфронтационными способами ... Почему Китай прибегает к "дипломатии волка-воина"? Стал ли этот агрессивный стиль новой нормой?»).

Националистические интересы усматривались и в слогане, который использовался для рекламы фильма: *Anyone who offends our China will be killed no matter how far the target is* [23] («Любой, кто оскорбит наш Китай, будет поражен независимо от того, где находится цель»).

Смыслы, стоящие за данными выражениями, первоначально формировались Западом как негативная оценка перехода от свойственной Китаю дипломатии мягкой силы к жесткой и наступательной коммуникативной стратегии: *the transition of its diplomatic communication strategy from a soft, defensive, and convergent tone to a progressively harsh, offensive, and aggressive one* [16] («переход его дипломатической коммуникативной стратегии от мягкого,

оборонительного и сближающего тона к постепенно жесткому, наступательному и агрессивному»).

В этом переходе усматривалось изменение способов управления общественным мнением в Китае в нежелательном для Запада направлении: *[It] allows Beijing to manage and employ nationalist public opinion at the domestic level through the creation of a heroic image in order to disseminate a vision of Chinacentrism, even a Chinese chauvinism* [16] («[это] позволяет Пекину управлять и использовать националистическое общественное мнение на внутреннем уровне посредством создания героического образа с целью распространения концепции синоцентризма и даже китайского шовинизма»).

Таким образом, данный фрагмент демонстрирует, что атрибутивный компонент *wolf warrior* во всех выражениях в западных СМИ обретает семантику растущего национализма внутри китайского общества, а также синоцентризма и китайского шовинизма на международной арене. Оценочные смыслы, закладываемые Западом в семантику данных выражений, можно охарактеризовать как проявление синофобии.

Общий вывод западных источников состоит в том, что Китаю следует вернуться к прежнему стилю коммуникации, который вполне устраивает Запад: *As a nation proud of its glorious ancient civilization, China should remain humble, benevolent, and magnanimous* [22] («Как нация, гордящаяся своей славной древней цивилизацией, Китай должен оставаться скромным, доброжелательным и великодушным»).

Автор издания Фонда Восточной Азии *The Global Asia*, основанного в Сеуле в 2005 г., дает следующие политические причины перехода Китая к иной модели коммуникации с миром: *Wolf-warrior diplomacy arose in China at the height of the pandemic. <...> it refers to aggressive foreign propaganda (waixuan, 外宣), in which China's government spokespersons and diplomats categorically reject any external criticism of China for its management of the virus, domestic human rights record or tough policy on Hong Kong. <...> to offensive diplomacy (wajiao, 外交), in which China's diplomats pressure recipients of Chinese aid to "praise" China, or use aid as a condition for extracting diplomatic concessions. Offensive diplomacy also includes symbolic aggression in the South China Sea, such as renaming islands with disputed sovereignty, or showing force in the Taiwan Strait* [13] («Дипломатия волка-воина возникла в Китае в разгар пандемии. <...> Она относится к агрессивной иностранной пропаганде (waixuan, 外宣), в которой представители правительства Китая и дипломаты категорически отвергают любую внешнюю критику Китая за его борьбу с вирусом, ситуацию с правами человека внутри страны или жесткую политику в отношении Гонконга. <...> Она также относится к наступательной дипломатии (wajiao, 外交), при которой китайские дипломаты оказывают давление на зарубежных получателей китайского финансирования в обмен на «восхваление» Китая и гарантии дипломатических уступок. Наступательная дипломатия также включает агрессию в Южно-Китайском море: переименование островов со спорным суверенитетом или демонстрацию силы в Тайваньском проливе»).

Автор отмечает, что период дипломатии воина-волка длился недолго, начался в марте 2020 г., встретил большое сопротивление со стороны других стран уже в апреле и закончился в мае: *"wolf-warrior" diplomacy in China in 2020 – rising in March, resisted in April and receding in May* [13] («дипломатия «воина-волка» в Китае началась в марте 2020 г., встретила сопротивление в апреле и отступила в мае»).

Тем не менее тенденция сохранилась за счет более глубоких корней, антизападных сил, которые всегда были в Китае: *While Covid-era wolf warriors are largely a spent force, their longer roots are inherent in China's globalization process, and have been since the 1980s. Ideas and interests that are worried about penetration by foreign values and power will, when situations permit, surface again and again* [13] («В то время как воины-волки эпохи Ковида в значительной степени уже исчерпали себя, их глубокие идеологические основания, возникшие еще в 1980-х годах в эпоху глобализации в Китае, целы и по сей день. Идеи и интересы, вызванные противодействием проникновению иностранных ценностей и иностранной политической воли, будут всплывать снова и снова, как только позволит ситуация»).

Однако ценностные и оценочные смыслы, зафиксированные в сочетании *wolf warrior diplomacy*, в англоязычном дискурсе на Западе и в Китае, диаметрально противоположны.

Суть так называемой «дипломатии воина-волка», вероятно, является для Китая ответной моделью и составляет принцип отзеркаливания прямой и жесткой ультимативной риторики Запада [9, с. 28]. Интересно, что образы героев-патриотов США и Британии трактуются на Западе как образы *спасателей мира*, а образ китайского воина-волка – как образ воина, *захватывающего мир*. Напротив, в китайском блокбастере этот положительный персонаж борется с врагами и спасает от них китайцев и африканцев.

В фильме просматривается сравнение исторического прошлого Китая с его настоящим, упоминается о «Веке унижения» и подчеркивается величие современного Китая, акцентируется военная мощь страны, конкурентоспособность военных технологий. Все это направлено на осознание национальной гордости китайцев, ценности своей китайской идентичности. Патриотический кинодискурс этого фильма вполне соответствует критериям художественно-идеологического дискурса.

Выявлены аксиологические различия в семантике выражений, содержащих компонент *wolf warrior* в западных и китайских источниках.

В китайское медиапространство компонент *wolf warrior* в значениях «жесткий, напористый стиль политической коммуникации», «относящийся к китайскому национализму», «синоцентричный», «относящийся к китайскому шовинизму» проник из западных источников, употреблялся в качестве западной характеристики коммуникативной стратегии Китая и также в этих значениях нес негативную окраску. Негативная коннотация была унаследована вместе с семантикой самих выражений, вследствие чего в Китае негативно отнеслись к перенесению черт образа воина-волка на китайскую внешнюю политику и дипломатию: *Qin said those who coined the term and set the trap either know little about China and its diplomacy or have a hidden agenda in disregard of facts* [12] («Цинь сказал, что те, кто придумал этот термин и расставил ловушку, либо мало знают о Китае и его дипломатии, либо преследуют скрытые цели, игнорируя факты»).

Однако в китайских англоязычных медиа данный образ получает быстрое развитие, и в него начинают вкладывать патриотические смыслы: *Wolf warrior diplomacy maintains China's image of fairness and justice on the international stage, underlining that "bending our knee" is not a "Chinese tradition"* [17] («Дипломатия воинов-волков поддерживает имидж честности и справедливости политики Китая в международных вопросах, подчеркивая, что «преклонение колен» не является «китайской традицией»).

Теперь китайские дипломаты считают такую характеристику патриотичной и даже почетной: *I recall when I arrived as Chinese ambassador to the United States, American media claimed*

here comes a Chinese wolf warrior. Now I'm back as the foreign minister, the media have stopped calling me that way. I feel kind of at a loss [12] («Я помню, когда я прибыл в качестве посла Китая в Соединенные Штаты, американские СМИ утверждали, что вот идет китайский воин-волк. Теперь, когда я вернулся на пост министра иностранных дел, СМИ перестали называть меня так. Я чувствую себя немного растерянным»).

Популярность и положительная коннотация выражений с компонентом *wolf warrior* становится особенно заметной в коммуникации молодых китайцев: *China's so-called "Wolf Warrior Diplomacy", a term that was initially stigmatized, is now gaining acceptance and even popularity among young Chinese, – added Shen* [21] («Так называемая китайская «дипломатия воина-волка», термин, который изначально подвергнулся стигматизации, сейчас завоевывает признание и даже популярность среди молодых китайцев, – добавил Шэнь»).

На страницах китайских источников все более ощутима поддержка такого стиля: *This kind of change in China's diplomatic style has won a round of applause on Chinese social media networks, as many Chinese people, especially the youth, want to see Chinese diplomats responding to Western accusations with not just humble explanations or inactive silence, but also the ability to resolutely to fight back against the stigmatizations and to bravely challenge Western hegemonic bul-lies* [23] («Такого рода изменения в дипломатическом стиле Китая вызвали бурю аплодисментов в китайских социальных сетях, поскольку многие китайцы, особенно молодежь, хотят видеть, как китайские дипломаты отвечают на обвинения Запада не просто скромными объяснениями или бездействующим молчанием, но и способностью решительно противостоять стигматизации и смело бросать вызов западным хулиганам-гегемонам»).

Отмечают, что такая стратегия является ответной и патриотической реакцией на соответствующее агрессивное поведение партнеров (*faced with wolves*) по коммуникации: *In Chinese diplomacy, there is no shortage of kindness and goodwill. But if faced with wolves, Chinese diplomats have no choice but to confront them head on and protect our motherland* [12] («В китайской дипломатии нет недостатка в мягкости и доброжелательности. Но если мы столкнемся с волками, у китайских дипломатов не будет иного выбора, кроме как встретиться с ними лицом к лицу и защитить нашу родину»).

В китайских источниках компонент *wolf warrior* в выражениях, отражающих политические процессы, обретает реактивные положительно окрашенные смыслы защиты национальных интересов от нападков, патриотического противостояния с Западом: *the West has been constantly applying wolf warrior diplomacy on China, which has made us naturally tend to resist everything the West supports* [15] («Запад сам постоянно применяет дипломатию воина-волка в отношении Китая, что естественным образом заставляет нас сопротивляться всему, что поддерживает Запад»).

Таким образом, *дипломатия воина-волка* включает положительно окрашенные смыслы напористости, уверенности и справедливости ответной реакции на нападки Запада: *China's diplomatic style is increasingly more assertive and confident as it faces up against stigmatization and provocative behaviors from the West, even becoming more significantly active in condemning Western nations over blatant violations of human rights worldwide, but now the West has become very uncomfortable by using the term "wolf warrior diplomacy" to accuse China of acting more "aggressively" and hyping its "nationalism"* [23] («Дипломатический стиль Китая становится все более напористым и уверенным, поскольку он сталкивается со стигматизацией и провокационным поведением Запада, даже становится значительно более активным в осуждении

западных стран за вопиющие нарушения прав человека во всем мире, но теперь Западу стало очень неудобно использовать термин «дипломатия воина-волка» для обвинения Китая в том, что он действует более «агрессивно» и раздувает свой «национализм»).

Выражения с компонентом *wolf warrior* обретают политически окрашенную многозначность. Можно утверждать, что укоренение образа воина-волка сопровождается не только возрастающими синтагматическими связями выражения *wolf warrior* как атрибутивного компонента (*wolf warrior diplomacy*), но и новыми парадигматическими отношениями. Так возникает концепт-опозит *cat warrior* (*cat warrior diplomacy – flexibility, intelligence and independence*) и одноименное антонимичное выражение.

При этом семантика и прагматика выражений с компонентом *cat warrior* в англоязычном информационном пространстве формируется как позитивная, оттеняющая негативную семантику *wolf warrior* в западных источниках.

Так, автор онлайн-издания Ноттингемского университета The Taiwan Insight, предлагающего платформу для обсуждения вопросов, связанных с Тайванем, использует образ *cat warrior* в противовес китайскому образу *wolf warrior*: *Taiwan uses its soft – or “cat warrior” – diplomatic power to counter attacks on its sovereignty, promoting itself as a freedom-loving, peaceful nation in contrast to a belligerent China* [14] («Тайвань использует свою мягкую дипломатическую силу или дипломатию “воина-кошки” для противодействия посягательствам на свой суверенитет, позиционируя себя как свободолюбивую, мирную нацию в отличие от воинственного Китая»).

Автор пишет: *This novel style of diplomacy is best embodied by Taiwan’s envoy to the US, Hsiao Bi-khim, who – in 2020 – moved to Washington DC with her four cats and told the media that her agile “cat warrior” qualities – namely flexibility, intelligence and independence – will enable her to counter the aggressive behaviour of “wolf warrior” diplomats* [14] («Этот новый стиль дипломатии лучше всего воплощен посланником Тайваня в США Сяо Би Хим. В 2020 г. она переехала в Вашингтон со своими четырьмя кошками и рассказала СМИ, что качества ее проворных “кошек-воинов”, а именно гибкость, интеллект и независимость, позволят ей противостоять агрессивному поведению дипломатов “воинов-волков”»).

Заключение

Патриотическая риторика Китая развивается не только посредством использования традиционных китайских коммуникативных моделей, но и путем отзеркаливания коммуникативных принципов своих политических оппонентов и адаптации их же коммуникативных инструментов.

Англоязычное цифровое пространство Запада, соответствуя новым коммуникативным веяниям *развлекательной политики* и нацеленности на целевую аудиторию, подверженную влиянию массовой культуры, использует современный кинодискурс как источник эффективных инструментов политической риторики. Формы кинематографического осмысления быстро меняющейся реальности, получившие общественный резонанс, переносятся в политическую коммуникацию в виде кинообразов, обретающих дальнейшее вербальное и невербальное развитие в социальном и политическом контексте стран и в мировом коммуникативном пространстве.

Образ воина-волка, порожденный китайским кинематографом, стал инструментом патриотической риторики Китая, актуализирующим чувства национальной идентичности и национальной гордости.

Отражая аксиологические и идеологические различия, функционирование выражений с системообразующим компонентом *wolf warrior* в англоязычном политическом дискурсе Запада и КНР противопоставлено по их семантике и прагматике.

Для западных источников характерны значения с негативной коннотацией: «жесткий, напористый и агрессивный стиль политической коммуникации», «относящийся к китайскому национализму», «синоцентричный», «относящийся к китайскому шовинизму».

В англоязычном дискурсе Китая актуализированы положительно-окрашенные значения: «уверенный, решительный, смелый, дерзкий стиль внешнеполитической коммуникации», «патриотичный», «вызывающий национальную гордость», «справедливый, честный».

В мировом англоязычном пространстве политической коммуникации сочетание *wolf warrior* характеризуется все возрастающими синтагматическими связями и новыми парадигматическими отношениями (*wolf warrior – cat warrior*).

Список литературы

1. Бай С. Лингвокреативность в реализации риторики патриотизма в дискурсе китайских масс-медиа // *Litera*. 2022. № 5. С. 31–42. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.5.37918>
2. Ворожбитова А.А. Лингвориторика дискурсивных процессов литературно-художественной коммуникации: алгоритмы и перспективы исследовательских действий // *Мир русского слова*. 2013. № 4. С. 15–20.
3. Ворожбитова А.А. Лингвориторическая парадигма (теоретические и прикладные аспекты): дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000. 763 с.
4. Духовная Т.В. Структурные составляющие кинодискурса // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 1 (43). Ч. 1. С. 64–66. EDN: ТВХХХР
5. Жюльен Ф. Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегия смысла в Китае и Греции. М.: Моск. филос. фонд, 2001. 359 с.
6. Зайченко С.С. От кинофильма к кинодискурсу // *Альманах современной науки и образования*. 2011. № 10 (53). С. 143–145.
7. Колодина Е.А. Статус кинодиалога в ряду соположенных понятий: кинодиалог, кинотекст, кинодискурс // *Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского*. 2013. № 2 (1). С. 327–333.
8. Малявин В.В. Тайный канон Китая: Гуй Гу-цзы. 36 стратагем. 100 глав военного канона. М.: РИПОЛ-Классик, 2015. 304 с.
9. Николаева О.В. Коммуникативные практики реализации риторики патриотизма в китайских СМИ на английском языке // *Известия Восточного института*. 2020. № 1 (45). С. 23–33.
10. Николаева О.В. Стратагемность речевой культуры в китайских СМИ на английском языке. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2019. 104 с.
11. Пономаренко Е.В., Харьковская А.А., Храмченко Д.С. Данные проекта The Global Language Monitor как отражение динамики лексической подсистемы английского языка // *Филологические науки в МГИМО*. 2019. Т. 18, № 2. С. 12–18. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2019-2-18-12-18>

12. Desheng C. Qin Gang calls 'wolf warrior' tag a 'narrative trap' // *The China Daily*. 2023, 03 July. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202303/07/WS6406d485a31057c47ebb2cf2.html> (дата обращения: 11.08.2023).
13. Ye Min. Wolf Warriors Blow Hot Before Cooling Down // *The Global Asia*. 2020. Vol. 15. No. 3. URL: https://www.globalasia.org/v15no3/focus/wolf-warriors-blow-hot-before-cooling-down_ye-min (дата обращения: 11.08.2023).
14. Grano S. Cat-warriors vs Wolf warriors: how Taiwan promotes its brand in the face of a more assertive China // *The Taiwan Insight*. 2022, 20 Apr. URL: <https://taiwaninsight.org/2022/04/20/cat-warriors-vs-wolf-warriors-how-taiwan-promotes-its-brand-in-the-face-of-a-more-assertive-china/> (дата обращения: 11.08.2023).
15. Chen Gu. Why I, a Chinese netizen, don't follow Western stance on Russia-Ukraine conflict // *The Global Times*. 2022, 03 Mar. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202203/1253790.shtml> (дата обращения: 11.08.2023).
16. Huang Zh. 'Wolf Warrior' and China's digital public diplomacy during the COVID-19 crisis // *The Place Branding and Public Diplomacy*. 2022. Vol. 18, Iss. 1. P. 37–40. <https://doi.org/10.1057/s41254-021-00241-3>
17. Huang Zh., Zhang Yu., Wang Xi. Atypical Wolf Warrior Strategy in China's Digital Public Diplomacy during the Pandemic // *Revue française des sciences de l'information et de la communication*. 2023. Vol. 26. <https://doi.org/10.4000/rfsic.14191>
18. Nieland J.U. Politainment // In: *The International Encyclopedia of Communication*. 2008. <https://doi.org/10.1002/9781405186407.wbiecp047>
19. Werleman C.J. 'Wolf Warrior' Diplomacy has Made China the World's Most Threatening Online Troll // *The Byline Times*. 2021, 28 May. URL: <https://bylinetimes.com/2021/05/28/wolf-warrior-diplomacy-has-made-china-the-worlds-most-threatening-online-troll> (дата обращения: 11.08.2023).
20. Yang J. Main Melody Recomposed: Deconstructing the Wolf Warrior Phenomenon // *Washington University in St. Louis. Arts and Science*. 2020, 14 May. URL: <https://humanities.wustl.edu/news/main-melody-recomposed-deconstructing-wolf-warrior-phenomenon> (дата обращения: 11.08.2023).
21. Yuwei Hu, Wenting Xie, Yameng Lu. China to explore innovation in enhancing discourse power amid US hegemony // *The Global Times*. 2021, 18 May. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202105/1223808.shtml> (дата обращения: 11.08.2023).
22. Zhu Zh. Interpreting China's 'Wolf-Warrior Diplomacy' What explains the sharper tone to China's overseas conduct recently? // *The Diplomat*. 2020, 15 May. URL: <https://thediplomat.com/2020/05/interpreting-chinas-wolf-warrior-diplomacy> (дата обращения: 11.08.2023).
23. Yang Sheng, Hu Yuwei, Lin Xiaoyi. China's 'wolf warrior sentiment' shows confidence, correction to 'irrational worship of the West' // *The Global Times*. 2020, 08 Dec. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1209277.shtml> (дата обращения: 11.08.2023).

Статья поступила в редакцию 25.08.2023; одобрена после рецензирования 5.09.2023; принята к публикации 30.09.2023.

The article was submitted 25.08.2023; approved after reviewing 5.09.2023; accepted for publication 30.09.2023.